

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Женевский университет
Петербургский институт иудаики
Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
Хельсинский университет

при поддержке

Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева
Издательства «Вита Нова»

ОЗЕРНАЯ ШКОЛА

Труды пятой
Международной летней школы
на Карельском перешейке
по русской литературе

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2009

**Александр Добролюбов
в романе Георгия Чулкова
«Сережа Нестроев»**

Романы Георгия Чулкова до сих пор не становились объектами широкого литературоведческого исследования, а между тем они представляются довольно значительными литературными фактами. Так сложилось, что о Чулкове больше всего написано как о весьма значимой фигуре русского литературного процесса первого десятилетия XX в. — создателе «мистического анархизма» и участнике знаменитой дискуссии вокруг него¹, известном критике и теории символизма, а также впоследствии — литературоведе.

Вместе с тем его прозаические произведения представляют собой чрезвычайно важный извод так называемого жанра «романа с ключом», в котором целый ряд персонажей имеет вполне расшифровываемых прототипов из литературной жизни.

Можно говорить о том, что эта проза Чулкова находится на пересечении двух векторов — собственно художественной прозы — и художественных мемуаров, поскольку наряду с чисто литературным сюжетом и повествованием о нем там присутствует невымышленный пласт, представляющий собой и чулковское видение определенных персонажей, и фрагментов истории русской литературы, и — одновременно — его рефлексию над этими фрагментами. Так же, как и в случаях с мемуаристикой, актуализируется процесс отбора (неотобранные аспекты описания не менее важны, чем отобранные), а способы проекции реальной личности на персонаж художественного текста приобретают в жанре «романа с ключом» особое значение.

К этому жанру относится целый ряд прозаических произведений Чулкова. В повести «Слепые» (1911) он изобразил свои отношения с Блоком и Любовью Дмитриевной Блок зимой 1907 г., в рассказе «Полунощный свет» (1909) — Вяч. Иванова и собрания на «башне» — и этим список далеко не исчерпывается. В настоящей статье мы рассмотрим в качестве примера роман Чулкова «Сережа Нестроев», точнее тот его фрагмент, где пересеклись интересы Чулкова-критика и Чулкова-писателя. Фрагмент, в котором в качестве прототипа выступает Александр Добролюбов, бывший в свое время объектом критических статей Чулкова.

В романе «Сережа Нестроев», написанном в 1914 г., а опубликованном в «Русской мысли» в 1915-м (отдельное издание — 1916 г.) главный герой — 15-летний гимназист Нестроев, случайно оказывается арестованным во время студенческих волнений и на неделю попадает в тюрьму. Там он знакомится с арестантом из уголовного отделения Григорием, который приходил убирать его камеру. Из разговора выясняется, что Григорий попал в тюрьму как беспаспортный — и оказывается в тюрьме уже не первый раз, несмотря на то, что каждый раз при освобождении ему дают новый документ:

«Станет в тюрьме тесно, дадут бумажку временную, я и выйду на волю, буду работать где-нибудь, пока опять не возьмут.

— Да за что ж возьмут, если у вас бумажка будет?

— А ее надо начальству представить, а я не представлю.

— Почему же не представите?

— Покориться не хочу. Начальники лукавому служат. Иные и сами не знают, на кого работают. А я знаю. По этому самому и паспорт я отвергаю»².

Более того, через некоторое время выясняется, что у Григория была «прошлая жизнь». На вопрос Сережи, грамотный ли он, Григорий отвечает:

«— Был грамотный.

— Как так? А теперь?

— А теперь когда Евангелие читаю, понимаю, почти все понимаю, и еще кое-какие книги понимаю, а многое перестал понимать.

— А прежде много читали?

— Да, много — и на разных языках.

— Вот как! Вы иностранные языки знаете?

— Знал, когда дурно жил» (с. 92).

Очевидно, совершенно ясно, о ком здесь идет речь: прототипом Григория является не кто иной, как Александр Добролюбов. Интерес Чулкова к личности и творчеству Добролюбова известен. Хронология тут выстраивается весьма последовательная. В 1905 г. Чулков под псевдонимом «Борис Кремнев» публикует в «Вопросах жизни» чуть ли не единственную доброжелательную рецензию на книги Добролюбова — «Собрание стихов» и «Из книги невидимой»³ (в 1909 г. вошла в сборник Чулкова «Покрывало Изиды»). От подавляющего большинства остальных эта рецензия отличалась еще и попыткой сопоставить литературный и бытовой пласты добролюбовского творчества, из чего нам ясно, что Чулков давно и пристально следил за отрывочными и зачастую искаженными свидетельствами о судьбе поэта, которые периодически всплывали в газетах и передавались в виде слухов:

«О молодом писателе нельзя говорить *биографически-интимно*, по крайней мере, *не принято*. Однако жизнь А. Добролюбова сделалась отчасти известна нашему обществу благодаря газетам, к сожалению, искажавшим иногда истину. Это он — Александр Добролюбов — скитаясь где-то в южных степях, делился с народом своими мечтами, за что и был судим официальным судом. Его обвиняли в том, будто бы он уговорил каких-то казаков бросить оружие во имя Бога и Христа. Условности, сковавшие всю нашу жизнь и литературу, мешают говорить о писателе так, как нужно, т. е. непосредственно о его душе, о его лице — этом *символе* всего заветного. А между тем, кто видел А. Добролюбова, должен понять, что он — один из тех людей, вся *жизнь* которых — *поэма*. О таких людях слагаются легенды и песни, — и, быть может, такое творчество непосредственно самой жизни и есть истинное искусство, святое и вечно чудесное»⁴.

Этими словами Чулков фактически на долгие годы сформулировал основной вектор восприятия жизни и творчества А. Добролюбова — как приоритет житнетворчества по отношению к творчеству литературному. Мифологизация личности А. Добролюбова началась еще в последнее десятилетие XIX в., а в XX в. она полностью заслонила собой его творчество.

После 1905 г. о Добролюбове уже мало кто слышал, хотя легенды о его периодических посещениях Петербурга ходили в литературных кругах. Затем о нем стали постепенно забывать, но в 1912 г. молчание было нарушено: известный исследователь русского сектанства А. Пругавин опубликовал большую статью о нем (в трех частях) в «Русских ведомостях» под названием «Декадент-сектант», в которых, в частности, сообщал сведения о своих встречах с Добролюбовым и его последователем Степаном Петровым в период «Из книги невидимой»⁵. Тогда же, в 1912 г., Добролюбов посетил Петербург (прошел пешком от Самары) и навестил мать, кроме того, видимо, встречался с кем-то из писателей (возможно, и с Чулковым), этот визит породил известные строки квазимемуаров Георгия Иванова о том, как мужик в картузе, валенках и полушубке спрашивал у идущих к трамвайной остановке литераторов «где помещается «Аполлон». А в 1914 г. Чулков начинает писать роман «Сережа Нестроев», в котором выводит А. Добролюбова в качестве второстепенного персонажа.

Пругавин, в частности, передал то, что ему сообщил «брат Степан»:

«...брат Александр зачастую в темницах сидит... То и дело под замком находится...

— За что же собственно? — спросил я, обращаясь к «брату» Александру.

— Известное дело... слуги цесаря, — проговорил он и опять замолчал»⁶.

Пругавин комментирует это так: причиной многих неприятностей Добролюбова в его странствиях было нежелание иметь паспорт. И поскольку ходил он без паспорта, то постоянно задерживался полицией и даже высылался по этапу в Петербург. В конце концов, он решился на компромисс и согласился взять паспорт, но без упоминания о «православном вероисповедании» и дворянстве. Вместо этого ему были вписаны слова: «сын статского советника».

Кроме того, Пругавин рассказал, что живет Добролюбов «как простой мужик в работниках у самого бедного крестьянина... исполняет всякую работу наравне с крестьянами»⁷.

Основная задача для анализа — установить принципы фильтрации признаков, осуществляемой писателем, когда он отбирает из всего известного спектра качеств те или иные характеристики своего персонажа для создания литературного мифологического образа Добролюбова, учитывая при этом, что он строит его на уже сложившемся в литературных кругах мифе. Надо понять — каковы принципы перевода живого человека в литературный образ.

Чулков отбирает только прежде всего те факты, которые формируют образ Добролюбова, разорвавшего не столько с «культурным» обществом и цивилизацией, сколько с государством. Проблемы с паспортом у Добролюбова были — но до водворения в психиатрическую больницу в 1902 г. В письме 1902 г., после выхода оттуда, Добролюбов писал Вл. Гиппиусу: «На днях, самое большее через две недели, надеюсь выйти из Петербурга. Паспорт или звериный знак, без которого невозможно двигаться среди них, который я решил принять, потому что в нем еще нет раболепства, — он уже готов»⁸. С этого момента Добролюбов от паспорта уже не отказывается. Более того, интересно, что в 1930-е гг., когда он уже жил в достаточно глухих районах советского Азербайджана, Добролюбова тема паспорта (уже тоже, соответственно, советского) неоднократно почти фатально наступала. Во второй половине 1930-х гг. он, как минимум, трижды оставался без этого документа (терял или становился жертвой воров). И во многих письмах этого периода к сестре Ирине он рассказывает о своих попытках восстановить паспорт, просит помочь со справками для местной милиции, жалуется на бюрократизм и волокиту и т. п.

В романе Чулкова действие происходит около 1905 г. При этом акцент на мистико-религиозные корни отказа от паспорта смещаются в сторону политическую, очевидно, согласно левым политическим взглядам самого Чулкова: «Покориться не хочу», — говорит Григорий в романе — «Начальники лукавому служат».

Другой аспект связан с близкой Чулкову темой анархизма. Как известно, Добролюбов никогда не говорил о том, что анархизм близок ему. Тем не менее Сережа (во многом, автобиографический герой Чулкова), выслушав Григория, говорит ему: «Значит, вы никакого государственного порядка не признаете?.. Вы, я вижу, анархист. Вам с политическими надо быть, а не с уголовниками». И Григорий не отказывается от такой характеристики, замечая только, что он сознательно попросился к уголовникам, поскольку они «проще»: «Я, братец, простоту люблю». И чуть дальше он учит Сережу: «В простоте надо жить», «Надо, брат, быть как дитя».

Оценка Сережей системы взглядов Григория как анархизма попала сюда словно прямо из рецензии Чулкова 1905 г., где он писал про то, что в «Из книги невидимой» читатель находит «стремление личности к конечному освобождению», а «путь к великому освобождающему концу — воистину путь анархический»⁹. Но и сам Чулков имел прямую информацию о Добролюбове от жены и сестры В. Брюсова. В 1905 г. сразу после выхода «Из книги невидимой» Добролюбов написал Иоанне Матвеевне и Надежде Яковлевне Брюсовым письма почти идентичные по содержанию, в которых указывает на недостатки напечатанной книги и высказывает программные для себя на тот момент мысли:

«...я буду искать правды без лжи. Если б ты знала, сестра, как ее трудно искать. Зато как она прекрасна! Я хочу поднять на земле все заповеди Творца — все, маленькие и великие. Он откроет мне их все»¹⁰.

Иоанна Матвеевна немедленно перепечатывает это письмо и советуется с Надеждой Яковлевной Брюсовой, кому же его послать. Судя по всему, по ее предложению, письмо было отправлено двум людям — иеросхимонаху Антонию (Булатовичу) — через Мережковского — и Гапону, причем последнему — как раз через Чулкова¹¹. Таким образом, Чулков имел возможность ознакомиться с этим письмом. Стоит кстати добавить что в неопубликованной поэме Чулкова «9 января» о Гапоне говорится с явно мистическим оттенком: «И вот приходит странный поп / Как выходец из тьмы столетий».

Таким образом, Чулков через жену и сестру В. Брюсова зачастую получал самые свежие новости о взглядах и жизни Добролюбова, однако в роман «Сережа Нестроев» не попало почти ничего связанного с религиозной составляющей добролюбовского учения (за исключения одной цитаты из Евангелия). Элементы этой составляющей, так ярко проявившиеся в «Из книги невидимой» и восходящие к францисканству, он приберег для других своих произведений. Когда в 1916 г. вышел сборник Чулкова «Люди в тумане», в него вошел его рассказ «Отмще-

ние», в котором он изобразил, в частности, Владимира Соловьева в виде величавого замкнутого старика-чародея, который «напомнил миру забытую истину о его божественном происхождении, указал на фатум в нашей повседневности и властно потребовал от человека быть самим собою прежде всего». Холодности и разреженности его творений противопоставлена юная девушка Валентина, перед свежестью и очарованием которой величавый старик в финале рассказа оказывается на коленях (идея проста: увидевший на небо в результате оказывается на коленях перед земной, плотской красотой). Этой Валентине Чулков и вкладывает в уста слова, восходящие к Франциску, которые мог бы произнести и сам Добролюбов: «<Я> готова славить Бога нехитрою песнею, как славят его полевые и лесные твари». Она же повторяет евангельскую цитату, вложенную в уста Григорию из «Сережи Нестроева»: «Мы все должны быть, как дети. Христос так давно об этом сказал...»

Только в 1918 г. Чулков делает в своей статье небольшой акцент на религиозных взглядах А. Добролюбова:

«С лета 1914 года, — пишет он, — с самого начала войны прекращаются всякие известия от Александра Михайловича Добролюбова. Ни родные, ни знакомые не имеют о нем никаких сведений. Никто не знает, где он и что с ним.

Отрешившись от города и цивилизации, Добролюбов отказался от всех потребностей и привычек культурного человека, от газет и журналов, от театра, музыки, от общения с интеллигентными людьми. Единственное исключение в этом последнем случае он допускает только по отношению лиц, которые воспринимают его религиозные взгляды, которые становятся его последователями»¹².

Зато явно значимым в формировании добролюбовского мифа оказывается для Чулкова концепция «простоты» и «борьбы с разумом» и полемика Добролюбова с «образованным» обществом. В 1901 г. Добролюбов, как известно, был арестован на Урале за то, что склонил двух казаков к отказу от военной службы. Суд проходил в Троицке и столь необычным делом заинтересовалась газета «Уральская жизнь». Первое, что сообщила газета из зала суда, было то, что на вопрос председателя о принадлежности к сословию, Добролюбов ответил: «Крестьянин, а раньше был дворянин»¹³. Григорий в романе «Сережа Нестроев» почти точно также отвечает о своей грамотности: «был» грамотен раньше, а теперь понимаю только Евангелие и еще кое-какие книги, а многое перестал понимать». То же самое он говорит и об иностранных языках: «Знал, когда дурно жил». Очевидно, что для революционера Чулкова, легко мыслящего классовыми и сословными категориями, оказалось легко представить «образованность» как не-

кую социально обусловленную сферу бытия, от которой можно отказаться, как отказываются от своего происхождения или наследства. Любопытно, что в этом он отчасти угадал: Сергей Дурьлин, автор неопубликованной работы о Добролюбове, в 1920-е гг. заметил, что после «ухода» у него изменились все принципы письма:

«Добролюбов пишет... как малописьменный простец, не ставя знаков препинания, не соблюдая правил больших букв, не наблюдая деления пишемого на фразы; самый почерк его изменился — стал каким-то простецким, почерком мало пишущего и мало грамотного человека»¹⁴.

Но в романе это привело не только к тому, что Григорий предпочитает общество «простых» уголовников «непростым» политическим. Чулков сводит к проблеме разума весь комплекс разногласий Добролюбова с толстовским учением. В романе на нерешительный вопрос Сережи Нестроева: «Вы может быть, толстовец?» Григорий отвечает: «Нет, Толстой умный, а я глупый. Я разумом не дорожу» (с. 92—93). Между тем хорошо известно, что Добролюбов не принимал в учении и жизни Толстого другое. Так, к примеру, Добролюбов в принципе отрицал возможность получать деньги за иной труд, кроме физического (он называл его «ручным трудом»), расходился с Толстым во взглядах на Иисуса Христа и Евангелие, считал, что Толстому недостает веры, полагал, что его взгляды крайне непоследовательны и не способны довести людей до истины; наконец, не имело никакого соответствия у толстовцев добролюбовское учение о постижении истины в молчании. Любопытно, что напротив, Толстой записывал в дневник:

«Единственное средство доказательства того, что это учение дает благо, — это то, чтобы жить по нем, как живет Добролюбов»¹⁵.

Сравнивая механизм создания прототипических образов в произведениях Чулкова, можно сделать вывод, что Григорий — он же Добролюбов — относится к тем персонажам, при формировании которых Чулков отказался от чрезвычайно характерного для него приема контаминации. Так, например, в романе «Метель» (1917) он рисует поэта Зачатьевского, лидера футуристической группы под названием «какумеи». Зачатьевский выступает в артистическом подвале «Заячья губа» (в которой явственно просматривается «Бродячая собака») со своим стихотворением. Стихотворение — явная стилизация под Хлебникова с цитатой из него в последней строке («Пинь! Пинь! Пинь!»), да и внешность Зачатьевского и его лидирующее положение в группе футуристов заставляет признать в нем именно Хлебникова. Однако когда в голову Зачатьевского из зала летит бутылка, — Чулков прибегает к кон-

таминации: эпизод с бутылкой в «Бродячей собаке» известен, но она направлялась в голову не Хлебникова, а Маяковского. Рука хулигана была остановлена Василиском Гнедовым, на устный рассказ которого и поздние стихи об этом ссылаются Харджиев¹⁵. В «Полунощном свете» Тарбут представляет собой что-то среднее между Блоком и самим Чулковым, а жена писателя Сергея Савинова (Вяч. Иванов) представляет собой контаминацию Зиновьевой-Аннибал и Сабашниковой.

Но в данном случае, индивидуальный миф о Добролюбове оказался для Чулкова важнее фиксации общих тенденций развития околотитуратурного быта начала века. Поэтому те черты, которыми он наделил своего героя, — чисты и узнаваемы. Селекция при формировании образа Григория в «Сереже Нестроеве» явно доминирует над комбинацией. Вместе с тем, отказавшись от наложения на образ Григория узнаваемых черт других известных людей из литературной жизни своего времени, Чулков «обогатил» его взгляды (и взгляды его прототипа А. Добролюбова) собственными представлениями, прежде всего — социального и политического характера.

Примечания

- ¹ См. об этом, например: *Лавров В.* Русские символисты. Эпюды и размышления. М., 2007. С. 131—135; *Он же.* Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 218—235.
- ² *Чулков Г.* Сережа Нестроев. Роман. М., 1916. С. 91—92. Далее ссылки даются в тексте по этому изданию с указанием страниц.
- ³ *Кремнев Б.* [Г. Чулков]. Александр Добролюбов. Из книги невидимой. М., 1905. Александр Добролюбов. Собрание стихов (1895—1898). М., 1900. Ск. изд. «Скорпион» // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 242—248.
- ⁴ Там же. С. 246.
- ⁵ *Пругавин А.* Декадент-сектант // Русские ведомости. 1912. 7 декабря. С. 2 [части 1—2]; 13 декабря. С. 2 [часть 3].
- ⁶ Там же. Часть 1.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 77 (Вл. В. Гилпиус). Ед. хр. 12. Л. 20.
- ⁹ Кремнев Б. [Г. Чулков]. Александр Добролюбов... С. 247.
- ¹⁰ ОР РГБ. Ф. 386 (В. Я. Брюсов). Ед. хр. 34. Л. 10.
- ¹¹ Там же. Л. 8.
- ¹² *Чулков Г.* Хилая совесть // Русские ведомости. 1918. 10 марта.
- ¹³ Уральская жизнь. 1901. 10 августа, № 213. С. 3. Эта заметка была полностью или частично перепечатана и некоторыми другими газетами Москвы и Санкт-Петербурга.
- ¹⁴ *Дурылин С. Н.* Александр Добролюбов. Машинопись. РГАЛИ. Ф. 2980 (С. И. Дурылин). Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 54.
- ¹⁵ *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М. Т. 56. С. 47.
- ¹⁶ *Харджиев Н.* Статьи об авангарде. В 2-х т. Т. 2. М., 1997. С. 192.